

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-69-87

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: 1960–1980-е гг.

М.В. Кильдеев, канд. социол. наук, социолог аналитического отдела Республиканского центра молодежных, инновационных и профилактических программ, ул. Адоратского, д. 36, г. Казань, Российская Федерация, 420137*

В статье рассматриваются внешние факторы развития региональной социологии религии на материале позднесоветского Среднего Поволжья. Процесс развития дисциплины изучается в первую очередь под углом зрения взаимодействия власти и различных групп научного сообщества. Данный подход является преобладающим при изучении возрождения социологии в СССР. Главной проблемой остается слабая историография проблемы на региональном уровне. Исследование основано на социологических данных, документах, обнаруженных автором в исторических и ведомственных архивах, на работах отечественных и зарубежных исследователей, авторском экспертном интервью. Точка зрения автора состоит в том, что в первую очередь на развитие региональной социологии религии оказал влияние государственно-партийный заказ, созданный необходимостью социологического обеспечения атеистических кампаний. Существовал также значительный общественный запрос на услуги социологии религии. Обратной стороной увлечения КПСС социологией стал идеологический диктат над научной деятельностью. Идеологические и корпоративные интересы различных групп, занимавшихся идеологическим обслуживанием партийной политики, препятствовали институционализации в регионе как социологической науки в целом, так и социологии религии как ее частной дисциплины. В статье описаны различные барьеры на пути институционализации региональной социологической науки на союзном, областном и даже на внутривузовском уровнях. Политические флуктуации негативно сказались на развитии дисциплины. С начала 1970-х гг. в большинстве республик и областей Среднего Поволжья социология религии переживает стагнационный период.

Ключевые слова: региональная социология, социология религии, научная институционализация, партийно-государственный заказ, “социальный заказ”.

* Кильдеев Мансур Вилевич, e-mail: makhmud_e@rambler.ru

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIOLOGY OF RELIGION IN THE MIDDLE VOLGA REGION: 1960–1980s

Kildejev Mansour V., Candidate of Sociology, Sociologist of Analytical Department, Republican Center for Youth, Innovative and Preventive Programs, Adoratskogo str., 36, Kazan, Russian Federation, 420137, e-mail: makhmud_e@rambler.ru

The text is a part of the project for the historical reconstruction of the Soviet regional sociology of religion in the late Soviet Middle Volga region. The process of the development of the discipline is studied primarily from the point of view of the interaction of the state-party apparatus and various groups of the scientific community. This approach is dominant in the study of the revival of sociology in the USSR. The weak side of the issue is its historiography that remains the problem at the regional level. The research is based mainly on the set of sociological data, on documents discovered by the author in historical archives, on the works of domestic and foreign researchers, and author's expert interview. The author's point of view is that, first of all, the development of the regional sociology of religion was influenced by the state-party order created by the need for scientific support of the Soviet atheistic campaigns. There was also a significant public demand for the services of the sociology of religion. The flip side of the CPSU's enthusiasm for sociology turned out to be ideological diktat over scientific activity. The ideological and corporate interests of various groups engaged in the ideological service of party politics hindered the institutionalization in the region of both sociological science in general and the sociology of religion as its particular discipline. The article describes various barriers to the institutionalization of regional sociological science at the union, regional and intra-university levels. Political fluctuations have negatively affected the development of discipline. Since the early 1970s in most republics and regions of the Middle Volga region, it is going through a stagnation period.

Key words: regional sociology, sociology of religion, scientific institutionalization, party and government order, public demand.

Развитие региональной социологии в СССР зависело от многих факторов, но основными были отношения с властью. Ее восстановление в 1960-х гг. после четвертьвекового перерыва происходило в условиях жесткого политического контроля. Решения о создании новых научных структур, о недостатках в работе ученых и научных учреждений оформлялись в виде партийных постановлений. Поэтому в настоящее время преобладающим подходом к истории отечественной социологии в советский период является ее рассмотрение как истории взаимодействия государственно-партийного аппарата и различных групп научного сообщества в крупнейших научных центрах страны (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев

и др.)¹. Применительно к региональной социологии Среднего Поволжья также будет актуален вышеупомянутый подход с корректировкой на то, что историография проблемы крайне слабо отражена в открытых источниках, недостаточно исследована, представлена в основном мемуарной литературой², и находится на околонулевой стадии изучения (за исключением Республики Башкортостан и Республики Татарстан³).

В данной статье мы рассматриваем фактор диктата КПСС в науке и его воздействие на процессы институционализации социологии. Проблема изучается в межрегиональном аспекте и на примере социологии религии — частной социологической дисциплины. Объектом изучения выбрано Среднее Поволжье. С 2000 г. изучаемый регион целиком входит в Приволжский федеральный округ (но не совпадает с ним полностью⁴). Социология религии — одно из ведущих направлений в поволжской социологии начиная с 1960-х гг. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологических исследований, проведенных в Среднем Поволжье в 1960–1980-е гг., экспертные интервью с ветеранами региональной социологии (2014–2019).

Мы рассматриваем развитие региональной социологии под воздействием внешних (внеаучных) и внутренних (внутриаучных) факторов. К внешним мы относим факторы зависимости от типа общества и от политического режима, к внутренним — характеристики, присущие процессам, происходящим в науках об обществе. Можно вычленить следующие внешние факторы развития общественных наук в советский период: партийно-государственный заказ, общественный запрос, идеологический диктат, цензура;

¹ Социология в России. М., 1998; *Фирсов Б.М.* Как добивались послушания социологии // Социологический журнал. 1995. № 2; *Рапопорт С.С.* Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал. 1998. № 1–2; в Среднем Поволжье — Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан. Уфа, 2002.

² Например: *Тукумцев Б.Г.* Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара, 2000; *Иванов В.В.* Социология. Укыту буенча ярдәмлек. Казан, 2001; *Нугаев М.А.* Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. Казань, 2009.

³ *Салагаев А.Л.* Кризис провинциальной вузовской социологии и перспективы развития независимых исследовательских центров // Девятые Вавиловские чтения: Сб. ст. Йошкар-Ола, 2006. С. 273–280; *Ахметова С.А.* Эмпирическая социология в Казанском университете // Современное российское общество: состояние и перспективы. Материалы Всероссийской социологической конференции. Казань, 2006. С. 175–180.

⁴ Выпадают включаемые в ПФО регионы Уральского региона — Пермская и Оренбургская области, один регион — Саратовская область — относится к Нижнему Поволжью.

и внутренние: научная институционализация, интеллектуальное влияние, связи и ассоциации внутри социологического сообщества (совокупность региональных школ и направлений), логика и содержание развития дисциплины.

Первым по значимости “внешним” фактором развития региональной социологии религии являлся “государственно-партийный заказ”. В СССР публикации идеологической направленности никогда не были личным делом авторов. Они не имели возможности выражать собственную, не согласованную с партийными органами точку зрения. Исследования по вопросам религии и атеизма, как правило, проводились по инициативе партийно-политических структур, что обеспечивало материальную и, что особенно важно, организационную базу исследований. Партийные структуры выступали в двойной роли — как заказчики социологических исследований и как цензурный орган. Социологические данные в виде отчетов, текстов докладов попадали на стол в первую очередь партийному руководству, секретарям по идеологии обкомов, столичных горкомов КПСС. И, как правило, там же оседали.

Начало развития социологии религии в Среднем Поволжье мы связываем с появлением в 1964–1965 гг. первых социологических лабораторий (при Казанском университете и Уфимском авиационном институте) и опорных пунктов Института научного атеизма. Институт научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС (сокращенно ИНА) был создан в Москве согласно постановлению секретариата ЦК КПСС “Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения” от 2 января 1964 г. Перед институтом была поставлена задача в короткие сроки составить более или менее полную картину религиозности страны⁵.

В течение двух лет Институт организовал по всей стране около сорока опорных пунктов, ставших первичными ячейками для социологии религии. Опорные пункты ИНА создавались на базе действовавших учреждений и организаций, в основном при вузах⁶. Опорные пункты были созданы в Татарской, Марийской, Мордовской АССР, Пензенской, Горьковской областях⁷. Они объединили

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. № 18, л. 77.

⁶ Пивоваров В.Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола, 1976. С. 25.

⁷ Опорные пункты имелись не во всех республиках и областях Среднего Поволжья и Приуралья. Отсутствовали они, например, в БАССР, УАССР, в Куйбышевской, Ульяновской и Кировской областях. Из переписки ИНА с Чувашским обкомом выясняется, что Институт, прежде чем принять решение о создании

региональных обществоведов разного профиля, перед которыми была поставлена задача проводить конкретно-социологические исследования населения регионов по вопросам отношения к религии и атеизму.

Институт научного атеизма снабжал опорные пункты методиками и наработками конкретно-социологических исследований, а региональные социологи послушно адаптировали транслируемые, по выражению С. Рапопорта⁸, “руководящей социологией” нормы. Благодаря методическому руководству ИНА началось систематическое, комплексное изучение религиозности. Период второй половины 1960-х и начала 1970-х насыщен социологическими исследованиями по вопросам религии и атеизма, как по числу проектов, так и по их масштабам. Так, при исследовании в Казани в 1966 г. были опрошены 4710 человек, при комплексном исследовании в Пензенской области в 1967–1968 гг. число респондентов составило 21 тыс. человек. В Чувашской АССР с 1966 по 1972 г. проведено 42 различных опроса, охвачено не менее 12 тыс. респондентов⁹.

Развитие региональной социологии религии шло классическим путем — от эмпирики к теории. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. изучение вопроса носило абстрактно-логический характер. Примерно до середины 1960-х гг. в противовес фундаментальной и поисковой литературе, выходящей в Центре, на местах практиковалось лишь издание популярных брошюр, поясняющих теоретические положения, обозначенные в центральных изданиях¹⁰. Затем был сделан резкий поворот: под теоретические выводы стала подводиться надежная почва конкретно-социологических исследований¹¹. В. Пивоваров как важный момент развития социологии религии на местах отмечает тот факт, что на основе проводимых исследований начат выпуск научной литературы¹².

собственных опорных пунктов, предварительно оценивал местные условия. Перед принятием решения о создании опорного пункта в Чувашии, ИНА потребовалось “определить (с выездом на место)”, во-первых, насколько энергична поддержка обкома, во-вторых — имеются ли кадры исследователей для проведения серьезного исследования. Первое условие было особенно важным, поскольку все расходы на деятельность опорных пунктов покрывались из местных средств. По всей видимости, в вышеперечисленных регионах не все требуемые условия присутствовали (РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 161, л. 37).

⁸ Рапопорт С.С. Указ. соч. С. 245.

⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 200, л. 143–145.

¹⁰ Пивоваров В.Г. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Никитин В.Н. Диалектика причинной связи и проблема религиозности в условиях социализма // Научный атеизм. Вопросы методологии и социологии. Вып. 3. Пермь, 1974. С. 35.

¹² Пивоваров В.Г. Указ. соч. С. 32.

Важнейшим результатом первых социологических исследований стало развитие теоретического знания на местном материале. Авторы из Казани, Чебоксар, Йошкар-Олы, Саранска при решении научных задач учитывают этнографические, исторические и культурно-бытовые особенности религиозности народов Среднего Поволжья¹³. Конкретно-социологические исследования внесли большой вклад в развитие не только социологической науки, но и других гуманитарных дисциплин, поскольку вывели на новый уровень представления о региональных особенностях религиозности народов Среднего Поволжья, о религиозном синкретизме и т.п. Постепенно изживалась методическая “кустарщина” — следствие отсутствия учебной литературы и образовательных центров. При этом горизонтальные связи, связи между исследователями из различных регионов были развиты слабо.

Социологические исследования внесли в атмосферу общественных наук “очень значимый дух времени, навыки синхронной оценки фактов”, — вспоминает участник тех событий В.В. Иванов¹⁴. Относительно 1960-х гг. мы можем говорить о “социологическом движении”, в которое включались социологи-энтузиасты, пришедшие из разных профессий.

Роль социологии религии в советском обществе позитивистски определялась задачами наблюдения процессов и явлений общественной жизни, их описания и систематизации. “Социальный заказ” (общественная потребность в научном знании, актуальная для общества в целом) в советской науке начиная с 1930-х гг. был окончательно монополизирован правящей партией. В этой плоскости лежит линия разграничения между наукой, с одной стороны, а с другой — политикой и пропагандой. Исследователи, выполнявшие этот заказ вопреки объективным материалам и источникам, выводили себя за рамки научной деятельности.

О заинтересованности государственно-партийного аппарата в развитии социологических исследований говорит то, что социологи были допущены к изучению “святая святых” советской системы — вопросов идеологии. Результаты особенно значимых исследований рассматривались высокими партийными инстанциями, и по их итогам принимались конкретные меры. Например, по результатам

¹³ Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973; Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, 1974; Соловьев В.С. Социологические исследования — в практику идеологической работы: некоторые итоги изучения проблем быта, культуры национальных традиций и верований населения МАССР. Йошкар-Ола, 1977 и т.д.

¹⁴ Иванов В.В. Указ. соч. 51 бит.

исследования уровня религиозности населения в Казани 1966 г. выяснилось, что атеистическое воспитание было поставлено в городе в основном формально. Бюро казанского горкома КПСС приняло специальное постановление, которое потребовало от нижестоящих парторганизаций уделять большее внимание подготовке кадров, способных осуществлять атеистическую пропаганду среди татарского населения¹⁵. Татарское книжное издательство усилило работу по изданию атеистической литературы на татарском языке.

Обратной стороной государственно-партийного заказа на проведение конкретно-социологических исследований стал неограниченный партийный, идеологический контроль над работой ученых. Даже на первом, оптимистическом этапе проявлялись характерные черты советской социологии религии: государственный контроль и планирование деятельности научного сообщества; доминанта научно-атеистического направления по сравнению с религиоведческим и конкретно-социологическим; директивность во взаимоотношениях между властью и научно-социологическим сообществом; неусыпный надзор партийных органов за деятельностью ученых.

Исходя из особенностей зарождения и развития, советская социология религии нередко представляется организмом, который был кровно связан с партийной системой, и действовал только по ее запросам¹⁶. Нам представляется упрощенной такая характеристика. Разумеется, социология религии не могла быть “чистой наукой”, свободной от текущих политических и бюрократических реалий. Мы предполагаем, что особый статус прикладной социологии обеспечивал региональным социологам-практикам определенный иммунитет от идеологизированной критики. Отсутствуют какие-либо свидетельства того, что социологам “сверху” навязывались партийные установки и нормативные показатели. Даже в условиях отсутствия социологической корпорации, социологические исследования проводились в условиях автономности, что обеспечивалось высоким престижем и большими ожиданиями от социологии как науки¹⁷.

¹⁵ “Об итогах социологического исследования религиозности населения города и задачах по дальнейшему улучшению атеистической работы”. Постановление ГК КПСС г. Казани от 15 мая 1967 г. // Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ), Ф. 15. Оп. 7. № 694, л. 217.

¹⁶ *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии. Чебоксары, 1997. С. 83.

¹⁷ Хотя отдельные сомнительные прецеденты прямого участия социологов в осуществлении антирелигиозной работы имелись. Например, дагестанские социологи проводили опросы среди верующих, которые состояли в инициативных группах об открытии мечетей. Анкетный инструментарий был составлен настолько тенденциозно, что, обработав ответы, исследователи имели основание утверждать, что 95% подписавших прошения в государственные органы сделали это вопреки

Необходимо отделять государственно-партийный заказ (который необоснованно маркировался как “социальный заказ”) от сформированного обществом запроса на исследовательскую практику, и потребность этого общества в самопознании. Изучаемые социологами темы затрагивали интересы не только партийных функционеров и обществоведов, но и широких слоев населения. Потребность в знаниях, высказываемую представителями многих слоев общества, мы можем обозначить как “общественный запрос”. Общественный запрос может рассматриваться как запрос на научное (не конфессиональное и не идеологизированное) знание о религиозной жизни общества.

В отличие от открытой печати, на страницах которой будущее религии в социалистическом обществе было предрешено, в общественном мнении существовала полемика, которая иногда прорывалась наружу. Хороший пример такой дискуссии дает кейс антирелигиозной книги “Тайны Корана” татарского писателя Гарифа Губая. Ее первое издание в 1967 г. вызвало бурю возмущенных откликов среди верующих. Свое несогласие с формами, в которую облек автор критику священной для мусульман книги (вполне обычную для тогдашней атеистической литературы), высказывали и многие представители творческой интеллигенции. В третьем издании Г. Губай нашел в себе смелость опубликовать некоторые критические отзывы читателей и ответить на них¹⁸. Этот обзор передает широкий спектр взглядов: как религиозных людей (верующих и колеблющихся), так и секуляризованных (неверующих и индифферентных). При разной степени причастности к религии авторы писем солидаризовались в своем неприятии фельетонной критики священной книги и антирелигиозной пропаганды в целом.

Изучаемые социологией религии вопросы представляли остроактуальную для общественного мнения проблему. Социологические данные объективно свидетельствовали скорее в пользу критиков антирелигиозной политики. Социологи диагностировали сохранение религиозности в определенных слоях общества и ее общую жизнеспособность.

Что характерно, и внутри партии в антирелигиозном вопросе не имелось единого консолидированного мнения. Непримируемую позицию, закрепленную партийным Уставом, продвигал отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС. На местах партийные

собственной воле под чужим влиянием. Руководитель исследования хвастливо заявил, что после проведения опросов по этой теме поток заявлений от верующих прекращался (РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. № 200, л. 61).

¹⁸ Губай Г. Коръэн серлэре. Знче басма. Казан, 1973.

органы придерживались запретительной линии. При этом некоторые представители партийного аппарата в 1970–1980-х гг. отзываются об антирелигиозной политике скептически, считая ее неуместной имитацией деятельности, отвлекающей усилия государства от реальных проблем (например, от повального пьянства и бесхозяйственности)¹⁹. Что касается рядовых коммунистов, то более поздние опросы, проведенные во второй половине 1980-х гг. в Татарской АССР, показывают, что их точка зрения на такие вопросы, как оценка роли религии в социалистическом обществе и отношение к антирелигиозной политике²⁰, не сильно отличалась от мнения населения в целом. Это неудивительно, учитывая, что КПСС объединяла в своих рядах не только карьеристов и ортодоксальных марксистов. Партия концентрировала наиболее образованную и социально активную часть общества. Многие коммунисты трезво оценивали внутривнутриполитическую ситуацию, и занимали, выражаясь партийным лексиконом, “примиренческую позицию” к религиозному мировоззрению.

Институциональный статус дисциплины. Институционализацию научной дисциплины мы рассматриваем как создание организационных форм науки (школы, учреждения, подразделения, ассоциации и т.п.), ее внутреннюю дифференциацию и специализацию, благодаря которым она выполняет свои общественные функции. При всей партийной поддержке институционализация социологии религии в регионе Среднего Поволжья как дисциплины происходила с огромным трудом.

В ТАССР методический и исследовательский центр научного атеизма²¹ первоначально видели в Институте языка и литературы КФАН. В архиве ИНА сохранилось письмо секретаря Татарского обкома по идеологии М.З. Тутаева вице-президенту АН СССР Н.П. Федосееву от 17 апреля 1965 г. с просьбой о выделении Институту штатных единиц для создания группы, которая специализировалась бы на исследованиях современного ислама. Необходимость такого рода центра обосновывается в письме объективной потребностью

¹⁹ Мясников Г.В. Страницы из дневника. М., 2008. С. 114; Черняев А. Дневник двух эпох. 1972–1991. Совместный исход. М., 2008. С. 728.

²⁰ Советская Татария: перестройка и межнациональные отношения. (Информационный материал обкома КПСС). Казань, 1990. С. 130–131; Докладная записка отдела пропаганды и агитации обкома КПСС об итогах проведенного социологического исследования по проблемам состояния религиозности и атеистической работы в Октябрьском районе (ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 933, л. 58).

²¹ В советские времена религиоведение и социология религии существовали внутри теории научного атеизма. Религиоведение в качестве раздела, а социология религии — в качестве прикладной отрасли.

в кадрах и научно-атеистической литературе для работы среди татарского населения как внутри Татарской АССР, так и в областях и республиках Российской Федерации²². Проблема обеспечения атеистической работы среди татар кадрами, методиками, литературной и кинопродукцией была поднята участниками состоявшегося в Казани в ноябре 1965 г. Всероссийского семинара по научно-атеистическим проблемам. Участники семинара из регионов компактного проживания татар сообщают о том, что организация работы среди мусульман затруднена из-за запущенного состояния культурного обслуживания и книготорговли, отсутствия литературы, методик, наглядных материалов, кинопродукции на татарском языке²³.

Очевидно, что создание такого подразделения в составе гуманитарного научно-исследовательского института, во-первых, улучшило бы ситуацию с обеспечением атеистической кампании кадрами и методическими материалами; и во-вторых, в перспективе способствовало бы институционализации религиоведения и социологии религии в республике.

На базе этого подразделения в ИЯиЛ власти Татарской АССР вознамерились создать опорный пункт ИНА. Однако, “наверху” было принято другое решение. В том же апреле 1965 г. ИНА обращается к М. Тутаеву с предложением о создании опорного пункта на базе Казанского университета. Чуть позже решением “директивных органов” опорным пунктом ИНА по Татарской АССР была объявлена созданная чуть ранее, в феврале 1964 г., лаборатория социологических исследований при кафедре философии КГУ²⁴. За лабораторией закрепляется научное направление “Степень и характер религиозности населения и пути преодоления”. В VIII пятилетку религиозно-социологическое направление было для него ведущим. Под руководством Р.Г. Балтанова были осуществлены исследования в г. Казани, г. Бугульме, в сельских районах республики, опубликованы одна монография и ряд статей; на полученном материале защищены две диссертации²⁵. Следует упомянуть, что лаборатория на начальном этапе насчитывала всего две штатные единицы, на-

²² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 137, л. 22.

²³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 40, л. 134.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 137, л. 2.

²⁵ Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973; Он же. О некоторых итогах выборочного исследования религиозности у татарской части населения г. Казани // Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма (тезисы докладов). М., 1968. С. 87–91; Тагиров Р.Б. Критерии религиозности и типология современных верующих (на примере ислама). Дисс. ... канд. филос. наук. Казань, 1972; Әхметова С. Дин тотучыны яхшы белергә // Атеизмны — массага. Казан, 1972. 49–62 бб. и т.д.

ходила на хозрасчете и помимо “религиозной” тематики на нее возлагались темы, связанные с опросами на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, исследования бюджета времени трудящихся и т.п.²⁶ Завершив плановую работу, лаборатория больше не возвращалась к вопросам атеистического воспитания, переключившись с 1969 г. на тематику “Социальная активность рабочих промышленных предприятий”, которая была политически нейтральна и финансово более привлекательна.

Опыт Башкирии, где социология дальше всего продвинулась по пути научного развития и институционализации, показывает, что это развитие имело свои пределы, связанные, в первую очередь, со статусом национальных республик “второго уровня”. Окончательные решения по вопросам культуры, образования и науки всегда принимались вне республик. Для создания любой, даже самой небольшой научной структуры требовалось, чтобы решение утвердили структуры союзного или республиканского (российского) уровня. Приведем пример. В определенный момент социологическая лаборатория Уфимского авиационного института, которой руководил известный ученый Н.А. Аитов, окончательно переросла уровень межкафедрального подразделения. Число сотрудников достигало 120 человек, среди которых было 6 докторов и 20 кандидатов наук²⁷. По сути, это был целый научно-исследовательский институт. Закономерно встал вопрос о создании на базе лаборатории самостоятельного научно-исследовательского учреждения. В 1980 г. руководитель Башкирии М.З. Шакиров обратился в ЦК КПСС с предложением о создании в Уфе филиала (или отделения) Института социологических исследований. Данное предложение было высокомерно отклонено Академией наук СССР и ЦК КПСС как “нецелесообразное”²⁸. С учетом того, что на тот период в системе АН СССР и академий наук союзных республик действовало около 70 социологических учреждений, отделов и лабораторий, трудно интерпретировать ответ на обращение, поддержанное на самом высоком уровне, иначе как политически мотивированное, искусственное ограничение. На этом же примере видно, насколько меньшими правами и возможностями обладали автономии по сравнению с союзными республиками в сфере развития гуманитарных и общественных наук.

Таким образом, институционально в советский период социология религии в республиках и областях Среднего Поволжья была

²⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф.Р-1337. Оп. 29. № 460, л. 245, 246.

²⁷ Социология и власть. Документы. Сб. 3. 1973–1984. М., 2003. С. 219.

²⁸ Там же. С. 220.

представлена в основном социологическими лабораториями научно-исследовательского сектора вузов и общественными опорными пунктами ИНА. Исключение составляли Чувашская АССР и Марийская АССР. В Чувашии в структуре гуманитарного НИИ в 1964 г. был образован сектор быта, культуры и научного атеизма. В Марийском гуманитарном институте в 1977 г. был создан сектор социологии. Благодаря этому исследовательское направление вошло в научные планы институтов и получило бюджетное финансирование. Оба сектора активно включились в социологическое изучение проблем религии и атеизма. В конце 1980-х гг. создаются оперативные социологические лаборатории при областных комитетах КПСС для оперативного сбора информации по злободневным темам, которые в ТАССР, ЧАССР также внесли некоторый вклад в социологическое изучение религиозности населения.

Период увлечения партаппарата социологией заканчивается антисоциологическими кампаниями, инициированными консервативной частью идеологического истеблишмента, обеспокоенного ростом популярности новой науки. Волны от “дела Левады” и от “погрома в ИКСИ” докатываются и до региональной социологии. Куратором социологии в Татарском обкоме КПСС был секретарь по идеологии М.Ф. Валеев — обществовед-догматик по профессии и по убеждениям. В 1968 г. в одном из центральных партийных изданий он выпустил статью, в которой пишет о все возрастающей роли социологических исследований в работе партийных органов Татарии. Социология в его изложении выступает как перспективная с точки зрения решения управленческих проблем сфера деятельности²⁹. В 1975 г. им же выпущена книга “К вершинам науки”, которая представляет собой весьма произвольный обзор истории и состояния наук, развиваемых в республике. Несколько абзацев в книге посвящено социологии. Республиканская социология теперь предстает узконаправленной, прикладной дисциплиной, сосредоточенной на изучении трудовой активности промышленных рабочих³⁰.

Смена первоначального благожелательного отношения к новой дисциплине и возобладавшая консервативная реакция зафиксирована и в социологических мемуарах. Руководитель лаборатории социологических исследований КГУ с 1974 по 1976 г. М.А. Нугаев: “Отношение к социологии как в республике, так и в стране в целом было, мягко говоря, неоднозначным, а со стороны [областной]

²⁹ Валеев М. Социологическое исследование и атеистическое воспитание // Партийная жизнь. 1968. № 8. С. 60.

³⁰ Валеев М.Ф. К вершинам науки: о развитии науки в Татарии. М., 1975. С. 161.

партийной организации — прямо-таки враждебным”³¹. По его словам, в тот период, когда он руководил лабораторией в КГУ (а затем в КГПИ), вышеупомянутый М.Ф. Валеев его научные инициативы не поддерживал (и это несмотря на многолетние, со времен войны, дружеские отношения). И это было не проявлением личного отношения, а реализацией взвешенной и целенаправленной партийной позиции. Как выясняется, в областном комитете настороженно относились к активности социологов Москвы и Ленинграда в республике и к научным контактам с ними местных ученых³².

Социологии в регионах приходилось преодолевать сопротивление не только косных партийных органов, но и прямых конкурентов в лице “канонических” общественных дисциплин. В Куйбышевской области первая социологическая лаборатория появилась в 1969 г. в политехническом институте³³. Значительная часть преподавателей кафедр истории, политэкономии и научного коммунизма во главе с заведующими открыто выступили против проведения социологических исследований в вузе. Социологические опросы они считали опасным экспериментом, вносящим в сознание масс сомнение относительно идеологических установок. В намерениях решить социальные проблемы с применением эмпирических данных ими усматривался ревизионизм, попрание марксистско-ленинской теории социального развития³⁴. Конфронтация стала причиной того, что в 1978 г. сотрудники лаборатории в полном составе покинули институт и перешли в Куйбышевский университет.

Выясняется, что для исследователей взаимодействие с партийными органами не было взаимовыгодным. Как пишет по этому поводу Б.М. Фирсов, “Партийные органы ревностно охраняли результаты заказанных ими работ, за которые никогда никому не платили”³⁵. Для социологов исследования по заданию партии считались общественной нагрузкой и никак не оплачивались. Со слов опрошенного нами ветерана региональной социологии профессора В.С. Соловьева, исследования по заданию Марийского обкома КПСС проводились им на общественных началах. Аналогичное свидетельство принадлежит доценту Казанского федерального университета

³¹ Нугаев М.А. Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. Казань, 2009. С. 66.

³² Там же.

³³ Ныне Самарский государственный технический университет.

³⁴ Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой социологической лаборатории. Самара, 2000. С. 12.

³⁵ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 356.

С.А. Ахметовой. Заинтересованность со стороны ученых состояла в возможности сбора научного материала по “диссертабельной” теме. Помимо научного интереса, участие в изучении “партийных” тем открывало возможности для чисто партийной карьеры.

“Благодаря” партийной привычке беречь научные данные от публикации, от многих исследований остались только упоминания. В редких случаях отчеты о них можно обнаружить в архивных фондах партийных и советских органов. Например, Казанским опорным пунктом ИНА и Советом по изучению общественного мнения при обкоме КПСС в 1980 и 1983 гг. было проведено анкетирование студентов-первокурсников шести казанских вузов (1238 человек), а затем лонгитюдное изучение тех же лиц, обучавшихся на 4-х курсах (в количестве 1041), на предмет атеистической убежденности³⁶. Исследование дает отличное представление о социальном, этническом составе студенчества того времени, о его духовном мире и ценностных ориентациях. Результаты исследования впервые опубликованы в новых общественно-политических реалиях в 1988 г., но все равно в усеченном виде³⁷. Тщательно оберегаемые социологические фонды региональных партийных органов подверглись безжалостному уничтожению в первые дни после приостановки деятельности КПСС в 1991 г. Аналогичному истреблению при расформировании ИНА подвергся фонд социологических исследований ИНА, в котором аккумулировались отчеты об исследованиях, проводимых опорными пунктами³⁸.

Закат “околопартийной” социологии начался задолго до кризиса КПСС. Он не пощадил и социологию религии. Уже к середине 1970-х гг. социология религии как многообещающее направление в региональной социологии стагнировала³⁹. Свертывание социологического изучения вопросов религии И. Лошакова увязывает с невозможностью теоретически объяснить причины сохранения религиозности в социалистическом обществе. Тенденция объяснения его исключительно в историко-материалистических и научно-атеистических категориях потерпела неудачу.

Многие авторы (В.Г. Пивоваров⁴⁰, Дж. Панкхерст) констатировали отставание социологии религии от материнской дисциплины.

³⁶ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 12. № 250в.

³⁷ Перестройка и преодоление религиозных предрассудков. Казань, 1988.

³⁸ *Лопаткин Р.А.* Об опыте советского периода отечественной социологии религии // *Социология религии в обществе Позднего Модерна*. Белгород, 2014. С. 23.

³⁹ *Лошакова И.Л.* Динамика изменений духовной ориентации советского общества в период 1961–1985 гг. Пермь, 1992. С. 4.

⁴⁰ *Пивоваров В.Г.* На этапах социологического исследования. Грозный, 1974. С. 6.

Панкхерст отмечает заметный прогресс в техническом обеспечении советской социологии. При этом он констатирует, что “социология религии и атеизма могла бы поучаствовать в этом техническом прогрессе, но, похоже, что она в значительной мере была свернута (*considerably curtailed*) в конце 1970-х и в [начале] 1980-х. Нет никаких свидетельств тому, что серьезное изучение религии полностью восстановило активную исследовательскую повестку, сопоставимую с той, которая осуществлялась в конце 1960-х и начале 1970-х годов”⁴¹. Политическая стагнация также не способствовала развитию социологической науки. Между тем, в программных заявлениях КПСС вместо объективных социологических данных продолжали звучать устаревшие цифры, которые тиражировались пропагандистской машиной. Вслед за ними социологи реальные знания об объекте подменяли пунктами постановлений ЦК.

В региональной социологии религии взаимодействовали две тенденции: во-первых, социологическое движение, стимулируемое партийным заказом и общественным запросом на конкретно-социологические исследования, во-вторых, административные и цензурные ограничения (как естественная защитная реакция советской системы на любую общественную активность). На начальном этапе развития региональной социологии религии (1965–1972) существовал определенный баланс, и партийная заинтересованность в услугах перспективной науки перевешивала, а на последующих этапах (вплоть до времен перестройки) — доминирует вторая тенденция. Административные “зажимы”, цензура лишали исследователей свободы научного творчества, вынуждая их заниматься “бесконфликтными” темами. Научное творчество было поставлено в такие условия, когда автор вынужден был беспокоиться не о реализации научной цели (пусть даже в виде поиска материала для научного решения проблем управления обществом), а о том, чтобы какие-то выдержки из его текста не были использованы зарубежными социологами или советологами для дискредитации советского режима. А институциональная среда в виде отделов НИИ, кафедр и лабораторий, которая могла бы генерировать научные инициативы, в Среднем Поволжье не сложилась. По причине слабого институционального статуса дисциплины и отсутствия научной преемственности в региональной социологии религии не сложились устойчивые научные школы. Дисциплина была персонифицирована коротким списком обществоведов, “приближенных” к партийным органам (Р.Г. Балтанов, Г.Е. Кудряшов, Н.Ф. Мокшин, Д.Г. Шигаев, Р.М. Ха-

⁴¹ *Pankhurst J.G. Soviet sociology of religion // Religion in Communist Lands. 1982. Winter. Vol. 10. N 3. P. 296.*

митова и т.д.), которые, за редким исключением, не оставили после себя учеников — социологов или религиоведов.

Что касается общей результативности исследовательской активности, то следует констатировать, что советская социология религии не сумела достичь даже первоначальной цели по картографированию религиозности населения, которая была поставлена перед ней ЦК КПСС. “Партийный заказ” дал мощный импульс возникновению исследовательского направления, однако он же заставлял ученых постоянно действовать с оглядкой на заданные “сверху” правила игры и рамки дозволенного, которые к тому же постоянно менялись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметова С.А. Эмпирическая социология в Казанском университете // Современное российское общество: состояние и перспективы. Материалы Всероссийской социологической конференции. Казань, 2006. С. 175–180.

Әхметова С. Дин тотучыны яхшы белергә // Атеизмны — массага. Казан, 1972. 49–62 бб. (на татарском языке).

Балтанов Р.Г. О некоторых итогах выборочного исследования религиозности у татарской части населения г. Казани // Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма (тезисы докладов). Институт научного атеизма. М., 1968. С. 87–91.

Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань, 1973.

Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997.

Валеев М. Социологическое исследование и атеистическое воспитание // Партийная жизнь. 1968. № 8. С. 56–61.

Валеев М.Ф. К вершинам науки: о развитии науки в Татарии. М., 1975.

Гобэй Г. Коръән серләре. Знче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. 431 бит. (на татарском языке).

Иванов В.В. Социология. Укыту буенча ярдәмлек. Казан, 2001 (на татарском языке).

Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. Опыт историко-этнографического и конкретного социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания пережитков чувашей. Чебоксары, 1974.

Лопаткин Р.А. Об опыте советского периода отечественной социологии религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна / Отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород, 2014. С. 14–26.

Лошакова И.Л. Динамика изменений духовной ориентации советского общества в период 1961–1985 гг. (по материалам Уральского региона). Пермь, 1992.

Мясников Г.В. Страницы из дневника (1964–1992) / Под ред. М.Г. Мясникова, М.С. Полубоярова. М., 2008.

Никитин В.Н. Диалектика причинной связи и проблема религиозности в условиях социализма // Научный атеизм. Вопросы методологии и социологии. Вып. 3 / Науч. ред. сб. М.Ф. Калашников. Пермь, 1974. С. 34–62.

Нугаев М.А. Из жизни социолога. Воспоминания и размышления. Казань, 2009.

Перестройка и преодоление религиозных предрассудков / Под общ. ред. А.Н. Калаганова. Казань, 1988.

Пивоваров В.Г. На этапах социологического исследования. Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии. Грозный, 1974.

Пивоваров В.Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола, 1976.

Рапопорт С.С. Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 244–266.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999.

Салагаев А.Л. Кризис провинциальной вузовской социологии и перспективы развития независимых исследовательских центров // Девятые Вавилонские чтения. Сб. ст. / Под общ. ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола, 2006. С. 273–280.

Советская Татария: перестройка и межнациональные отношения (информационный материал обкома КПСС) / Авт.-сост. Г.А. Исаев, Т.Х. Миннибаев и др. Казань, 1990.

Соловьев В.С. Социологические исследования — в практику идеологической работы: некоторые итоги изучения проблем быта, культуры национальных традиций и верований населения МАССР. Йошкар-Ола, 1977.

Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан / Ответ. ред. Д.М. Гилязитдинов. Уфа, 2002.

Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.

Социология и власть. Документы. Сб. 3. 1973–1984 / Под ред. Л.Н. Москвичева. М., 2003.

Тагиров Р.Г. Критерии религиозности и типология современного верующего (на примере ислама). Дисс. ... канд. философ. наук: Специальность 09.00.06. Казань, 1972.

Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара, 2000.

Фирсов Б.М. Как добивались послушания социологии // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 181–189.

Черняев А. Дневник двух эпох. 1972–1991. Совместный исход. М., 2008.

REFERENCES

Akhmetova S.A. Empiricheskaya sotsiologiya v Kazanskom universitete [Empirical Sociology at Kazan University] // Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: sostoyanie i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi sotsiologicheskoi konferentsii. Kazan, 2006. S. 175–180 (in Russian).

Әkhmetova S. Din totuchyny yakhshy belergә [Knowing Believers better] // Ateizmny — massaga. Kazan, 1972. 49–62 bb. (in Tatar).

Baltanov R.G. O nekotorykh itogakh vyborochnogo issledovaniya religioznosti u tatarskoi chasti naseleniya g. Kazani [On some results of a survey study of religiosity among the Tatar part of the population of Kazan] // Modernizatsiya islama i aktual'nye voprosy teorii nauchnogo ateizma (tezisy dokladov). Institut nauchnogo ateizma. M., 1968. S. 87–91 (in Russian).

Baltanov R.G. Sotsiologicheskie problemy v sisteme nauchno-ateisticheskogo vospitaniya (problemy konkretno-sotsiologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR) [Sociological problems in the system of scientific and atheistic education (problems

- of specific sociological analysis of religion and atheism in the USSR)]. Kazan, 1973 (in Russian).
- Braslavskii L. Yu.* Islam v Chuvashii. Istoricheskie i kul'turologicheskie aspekty [Islam in Chuvashia. Historical and cultural aspects]. Cheboksary, 1997 (in Russian).
- Chernyaev A.* Dnevnik dvukh epokh. 1972–1991. Sovmestnyi iskhod [Diary of two eras. 1972–1991. Joint Exodus]. M., 2008 (in Russian).
- Firsov B.M.* Kak dobivalis' poslushaniya sotsiologii [How the Obedience of Sociology Was Achieved] // Sotsiologicheskii zhurnal. 1995. N 2. S. 181–189 (in Russian).
- Gobai G.* Qor'an serlære [Secrets of the Quran]. Kazan, 1973 (in Tatar).
- Ivanov V.V.* Sotsiologiya. Uqytu buyincha yärdämlek [Sociology. A guide for learners]. Kazan, 2001 (in Tatar).
- Kudryashov G.E.* Dinamika polisinkreticheskoi religioznosti. Opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya perezhitkov chuvashei [The dynamics of polysyncretic religiosity. The experience of historical, ethnographic and specific sociological research of the genesis, evolution and withering away of the remnants of the Chuvash]. Cheboksary, 1974 (in Russian).
- Lopatkin R.A.* Ob opyte sovetskogo perioda otechestvennoi sotsiologii religii [On the experience of the Soviet period in the Russian sociology of religion] // Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna / Ed. by S.D. Lebedev. Belgorod, 2014. S. 14–26 (in Russian).
- Loshakova I.L.* Dinamika izmenenii dukhovnoi orientatsii sovetskogo obshchestva v period 1961–1985 gg. (po materialam Ural'skogo regiona) [Dynamics of changes in the spiritual orientation of Soviet society in the period 1961–1985 (based on materials from the Ural region)]. Perm', 1992 (in Russian).
- Myasnikov G.V.* Stranitsy iz dnevnika (1964–1992) [Diary Pages (1964–1992)] / Ed. by M.G. Myasnikov, M.S. Poluboyarov. M., 2008 (in Russian).
- Nikitin V.N.* Dialektika prichinnoi svyazi i problema religioznosti v usloviyakh sotsializma [Dialectics of causality and the problem of religiosity under socialism] // Nauchnyi ateizm. Voprosy metodologii i sotsiologii. 1974. Vyp. 3 / Ed. by M.F. Kalashnikov. Perm', 1974. S. 34–62 (in Russian).
- Nugaev M.A.* Iz zhizni sotsiologa. Vospominaniya i razmyshleniya [From the life of a sociologist. Memories and reflections]. Kazan, 2009 (in Russian).
- Pankhurst J.G.* Soviet sociology of religion // Religion in Communist Lands. 1982. Winter. Vol. 10. N 3. P. 292–297.
- Perestroika i preodolenie religioznykh predrassudkov [Perestrojka and overcoming of religious prejudices] / Ed. by A.N. Kalaganov. Kazan, 1988 (in Russian).
- Pivovarov V.G.* At the stages of sociological research. Theory and practice of sociological research on the problems of atheism and religion. Grozny, 1974 (in Russian).
- Pivovarov V.G.* Religioznost': opyt i problemy izucheniya [Religiosity: experience and problems of study]. Yoshkar-Ola, 1976 (in Russian).
- Rapoport S.S.* Sotsiologiya vremen totalitarizma: kompendium dlya nyneshnikh [Sociology of the times of totalitarianism: a compendium for the current generation] // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. N 1–2. S. 244–266 (in Russian).
- Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents] / Ed. by G.S. Batygin; compiled by S.F. Yarmolyuk. SPb., 1999 (in Russian).

Salagaev A.L. Krizis provintsial'noi vuzovskoi sotsiologii i perspektivy razvitiya nezavisimyykh issledovatel'skikh tsentrov [The crisis of provincial university sociology and the prospects for the development of independent research centers] // *Devyatye Vavilovskie chteniya*. Sb. st. / Ed. by V.P. Shalaev. Yoshkar-Ola, 2006. S. 273–280 (in Russian).

Solov'ev V.S. Sotsiologicheskie issledovaniya — v praktiku ideologicheskoi raboty: nekotorye itogi izucheniya problem byta, kul'tury natsional'nykh traditsii i verovaniy naseleniya MASSR [Sociological research into the practice of ideological work: some results of studying the problems of everyday life, culture, national traditions and beliefs of the population of the MASSR]. Yoshkar-Ola, 1977 (in Russian).

Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskoe obrazovanie v Respublike Bashkortostan [Sociological science and sociological education in the Republic of Bashkortostan] / Ed. by D.M. Gilyazitdinov. Ufa, 2002 (in Russian).

Sotsiologiya i vlast'. Dokumenty [Sociology and Power. The documents]. Sb. 3. 1973–1984 / Ed. by L.N. Moskvicheva. M., 2003 (in Russian).

Sotsiologiya v Rossii [Sociology in Russia] / Ed. by V.A. Yadov. M., 1998 (in Russian).

Sovetskaya Tatarsiya: perestroika i mezhnatsional'nye otnosheniya (informatsionnyi material obkoma KPSS) [Soviet Tataria: Perestroika and Interethnic Relations] / Compiled by G.A. Isaev, T.Kh. Minnibaev. Kazan, 1990 (in Russian).

Tagirov R.G. Kriterii religioznosti i tipologiya sovremennogo veruyushchego (na primere islama) [Criteria of religiosity and typology of the modern believer (on the example of Islam)]. Diss. ... kand. filosof. nauk: Spetsial'nost' 09.00.06. Kazan, 1972 (in Russian).

Tukumtsev B.G. Ocherki istorii pervoi samarskoi sotsiologicheskoi laboratorii [Essays on the history of the first Samara sociological laboratory]. Samara, 2000 (in Russian).

Valeev M. Sotsiologicheskoe issledovanie i ateisticheskoe vospitanie [Sociological research and atheistic education] // *Partiinaya zhizn'*. 1968. N 8. S. 56–61 (in Russian).

Valeev M.F. K vershinam nauki: o razvitiy nauki v Tatarii [To the heights of science: on the development of science in Tartaria]. M., 1975 (in Russian).